

*Посвящается моей бесконечно любимой
маме Нине Ильиничне, чье мужество,
терпение, умение отдавать любовь
и неиссякаемый оптимизм поражают
и вдохновляют меня всю жизнь*

Только поставив машину на платной стоянке и получив квитанцию, Наталья с удивлением обнаружила, что приехала намного раньше, чем рассчитывала, — до прибытия поезда оставалось еще целых сорок минут.

Ну, сорок так сорок! И хорошо, подумалось ей, передохнет от дороги, от руля, получит передачу и — к маме в больницу.

Это она от мыслей непростых и тревожных неосознанно всю дорогу держала приличную скорость, вот и долетела до Симферополя — и не заметила как.

Ну, еще бы не мысли и переживания! Куда от них денешься-то?!

«Ладно, ладно, — вздохнула она, успокаивая себя. — Самое страшное уже позади — операция для мамы прошла успешно, а это самое главное».

Ната отошла от шумного и суетливого вокзала по прилегающей к нему улочке, зашла в небольшое уютное кафе, устроилась за столиком у окна, заказала поспешившей подойти к ней милой молоденькой официантке капучино. Официантка отошла, а Ната посмотрела в окно, мимо которого в деловитой торопливости прошествовала девушка. Чемодан, который она везла за собой, отстукивал своими колесиками по брусчатке какую-то ве-

селую, бодрую мелодию о странствиях и радостных встречах в конце пути.

Ната улыбнулась, поймав себя на мысли, что немного завидует этой девушке, спешащей на поезд. Даже не завидует, а испытывает некую грусть и сожаление, которые иногда чувствуешь, когда кто-то близкий или знакомый уезжает далеко, весь уже переполненный дорогой, ожиданиями радостных встреч в конце пути, а ты остаешься...

Э-эх! Сейчас бы сесть в поезд — и домой!

Так хочется домой, порой просто непереносимо, до слез! Хотя бы на денек-другой! От всех переживаний и тревог последних непростых недель, от бурлящей переменами новой жизни, новой истории и восторженных ожиданий Крыма...

— Ваш кофе, — вернула ее в реальность официантка, поставив перед ней блюдце с чашкой капучино и мило улыбнувшись.

— Благодарю, — улыбнулась в ответ Наталья.

Она сделала глоток кофе, снова посмотрела в окно, вздохнула и усмехнулась: «Какой поезд? Ты смеешься? Все самолеты, самолеты... Когда ты последний раз на поезде-то ездила?» — скептически поинтересовалась она у себя.

И вдруг...

Словно окатило теплой, нежной волной, и мурашки побежали по позвоночнику и рукам, и зазвучала откуда-то музыка летнего отпускного счастья...

Ната осторожно поставила чашку на блюдце, возвращаясь в прошлое.

Воспоминания накрыли ярко, мощно, ослепив бликами солнечных зайчиков от морской волны того лета. Последний раз она ездила на поезде

именно тогда — одиннадцать лет назад. Одиннадцать!..

Почти одиннадцать — сейчас март, а тогда было лето.

«Одурающе пахло сиренью, ну просто одурающе...»

Этот запах сопровождает меня всю жизнь. В детстве это был аромат тайны, потому что мы прятались в огромных кустах сирени, когда играли в казаки-разбойники.

Сад, в котором проходило мое детство, был совершенно сказочным — огромный, заросший, запущенный сад позади старой купеческой усадьбы. Усадьбу с особым социальным рвением благополучно превратили во множество коммунальных квартир, но сад... Сад коммунальным сделать, видимо, не удалось.

Дети считали его своей вотчиной, своей тайной, полной неожиданностей и чудес. Там находились совершенно секретные, затерявшиеся в глубине сада места, о которых даже и не подозревали взрослые. Там располагался наш штаб. Там мы наслаждались отдохновением от контроля, нашей тайной, нашим прибежищем.

Господи! Что только мы не постигали в том саду! Это было абсолютное счастье свободы: никто — ну просто никто! — не знает, где ты, и только тебе решать, когда выйти из тайного штаба и выходить ли на призыв мамы. И что будет, если сделать вид, что не слышал, как тебя зовут? И вот еще чуть-чуть, ну еще минутку посижу — и выскочу победителем. Потому что я, только я решила, что пора выходить. И от этого я такая большая и значимая. Конечно, я то и дело получала наго-

ный и: «Сколько можно тебя звать!» Но все-таки только я да еще пара моих друзей знали про это тайное место. И совершенно неважно, что нас ругали, да и ругали вяло как-то — ведь главное: нашли и ребенка домой загнали!

Они и не догадывались, что сама, сама решила найтись!

А в саду все такое шуршащее, все сказочно, повзрослому важно — и большой секрет, и тайный сбор, и глобальные проблемы маленького возраста.

Ах! Как же это было прекрасно!

Лето, солнце, запущенный купеческий сад, огромный, как мир. Засыпанный землей фонтан, дорожки в никуда, а впереди — целое огромное лето, качели, старые сараи, велосипеды, важнейшие детские проблемы и запах сирени. Запах счастья — даже не счастья, а того, что гораздо, гораздо лучше — преддверия лета, беззаботности, солнца, свободы и тайны будущего.

Потом этот запах настиг меня в больнице, после операции.

Я никак не могла открыть глаза после наркоза, но мне отчего-то было так радостно, так легко. И совершенно непонятно, что ж такого замечательного в моем пробуждении?

Ведь вроде все очень больно и трудно, и невозможно двигаться — но тогда откуда это ощущение полного счастья? А когда открыла глаза — поняла: палата залита южным солнцем, светившим сквозь незашторенное окно, и все видимое пространство уставлено букетами с сиренью...

Это была царица всех сиреней — огромные темно-фиолетовые цветы и белые махровые вет-

ки. Они пахли так сказочно, так празднично, что затмевали мысли о боли, об операции. Наверно, даже о прошлом.

Это был запах детства, тайны, счастья, преддверия лета, перемен — всего самого лучшего в жизни.

Одурающе, просто одурающе пахло сиренью, и когда я расставалась с ним.

Мне казалось, что уж сирень-то меня никогда не подведет, это постоянная устойчивая величина, которая ассоциируется со счастьем, вернее — с преддверием счастья.

И вдруг!

Ну почему сирень, господи?! Все было так хорошо в моей жизни с этими цветами... так почему именно сирень? Неужели теперь всю мою жизнь она будет нести ощущение несчастья и потери всего: любви, мужчины, прошлой жизни, будущего?..

Ну, господи, боже мой! Почему именно сирень?!

Он знал, конечно, он знал, что больше всех цветов на свете я люблю сирень. Я миллион раз ему это говорила и рассказывала о детстве, о купеческом саде, о тайных местах, об ощущении будущего счастья...

В тот день, когда мы расстались, он принес мне сирень. Огромный букет крупной южной темно-фиолетовой сирени. Только теперь мне казалось, что она пахнет как на похоронах. Ну конечно — это ведь я ухожу от него, а не он меня выталкивает из своей жизни, всеми правдами и неправдами сделав мое существование совершенно неперено-

симым, потому что прогибаться дальше под него — это уже уровень половой тряпки.

Как трудно, как страшно принимать такое решение, когда ты на грани: либо — либо.

Да, да, конечно, все, что можно было выдержать, я выдержала.

Мы ведь, женщины, такие терпеливые, такие понимающие!

И трудности начального периода, и «квартплата пополам», и ужасы потери первых тяжело заработанных денег, и макароны день за днем, разве что не торты из макарон, потому что ни на что другое нет денег! И его сопли и пьянки от страха перед «завтра деньги отдавать», и болезни, и переломы, и дешевую колбасу, и одни всесезонные колготки...

А дальше — еще интересней. Первые победы и первый отдых в третьесортном отеле в Турции, и первая битая-перебитая десятилетняя машина, и ужасы съемной дешевой квартиры.

Мои бухгалтерские балансы и бессонные ночи ради спасения бизнеса — когда ты спишь, заглотив страх водкой, а я сижу всю ночь и рисую схемы, и считаю цифры, и наутро, одурев от кофе и сигарет, — нахожу!

Нахожу выход из тупикового, казалось бы, положения.

Первые надутые щеки — «я заработал!», и «я не могу платить тебе зарплату, ведь ты моя жена, и потом — свою зарплату ты проедаешь». Первая командировочная заграница и первый контракт, который я считаю и стыкую до зеленых чертей в глазах, пока ты спишь, отметив успех алкогольными возлияниями. Первый костюм от «Хьюго Босс» и мои уговоры его купить, а потом и надеть.

И твое: «Не могу с ними пить и общаться — они все такие крутые, а я чувствую себя кретином!»
И мои долгие монологи — миллион слов о твоей неординарности, уме, выносливости, изворотливости, черт знает еще о чем, только бы поднять тебя с дивана! И твое победное: «Ты не представляешь, они как дети — стадо идиотов, я сделал их на раз-два!»

Первый срыв с «больших» денег — и неделя запоя, и снова мои бесконечные «ты самый...». И снова — раздувание щек, и первые личные вложения, и праздник с друзьями по этому поводу. Три дня: застолье — застолье — застолье! Это у тебя. А у меня посуда — плита — посуда. И утро четвертого дня: «Ну видишь, ты же самый-самый...»

Дефолт — и, конечно, твоя паника: все, все пропало!

Мои уговоры: ничего не пропало, осталось это, это, то и то...

Это поправим, от этого откажемся, затянем пояс, поживем у мамы, не будем снимать квартиру, поедим макароны.

И снова цифры по ночам, цифры, а утром: смотри, мы вылезем!

И вылезли, вылезли, и ничего не надо начинать сначала — там подтянули, здесь урезали; нет худа без добра — после дефолта многие конкуренты отпали.

И мы снова прорвались, да еще как!

Снова победа, и обороты, и экономия на всем, по большей части — на мне.

И вдруг твое: «Я крутой!»

Да, крутой, а я? А ты делай теперь так и так, нет — это плохо, делай лучше, лучше. Это уже не

так вкусно, это не вовремя, и вообще «прав всегда только я» — и так по нарастающей!

И ночи без сна у темного окна: «Что я не так сделала? Господи, ведь невозможно терпеть!» И все, нет сил, и выбор: либо лечь без боя и становиться ошметком при «начальнике всей твоей жизни», либо уходить.

И понимание: на самом деле выбора никакого и нет, да никогда и не было.

И конечно же: «Ты реши, но ничего не получишь — все мое!»

И букет сирени.

Господи! Но почему, почему сирень?!»

Сильно дернуло вагон, и Наталья выскочила из своих грустных мыслей.

«М-м-да, дорога. Задремала, и все это предательски сразу полезло в голову. Ну кого и в чем я обвиняю?! В любом случае это мое решение. Что вначале — жить с этим человеком, строить жизнь с ним, что в конце — расстаться, построив и оставив ему жизнь и бизнес. Я могу тысячу раз говорить себе, что он не виноват. Я могу тысячу раз обвинять себя и сомневаться в правильности решения. Я могу охрипнуть нутром и горлом, утверждая, что сама, сама виновата. Но я обвиняю его и не могу остановиться. Господи! Ну сколько можно ходить по кругу. Все понимая, оставаться там же, где и была?! И вообще — какого хрена сирень!..

А, собственно, откуда запах?»

Она повернулась лицом к купе.

На столике стоял букет сирени в обрезанной пластиковой бутылке из-под минеральной воды. Наталья занимала верхнюю полку, и здесь, навер-

ху, запах цветов чувствовался особенно сильно. Рядом с букетом сияла лучезарная улыбка девушки лет семнадцати.

— Здравствуйте, а мы ваши соседи, мы с мамой только что сели, в Туле. Давайте познакомимся. Я — Даша, а это моя мама — Устинья Васильевна, — она указала рукой на весьма полную даму в спортивном костюме веселой расцветочки, — мы до Джанкоя, к родственникам. А вы?

«Прелестно, сейчас в самый раз», — вяло подумала Наталья.

— Давайте чай пить, — предложила Устинья Васильевна, — четвертого попутчика у нас пока нет. А вы из Москвы едете?

«Как будто можно ехать откуда-нибудь еще — поезд московский, и первая остановка — Тула», — поворчала про себя мысленно Наталья.

— Да, — наконец соизволила ответить она.

И бочком, чтобы не задеть цветы, накрытый к чаю стол и новых пассажиров, начала сползать с верхней полки. Схватила сигареты, промямлив что-то типа «я сейчас», натянула пляжные шлепки, служащие в поезде тапками, и, непонятно почему смущаясь, выскочила из купе.

В тамбуре никого не было.

Прикурив, она обнаружила, что руки трясутся вместе с поджилками.

«Да что, собственно, такое?! Ну было, да времени-то сколько уже прошло. Сколько? Три года? Да, три, даже больше. Ну, и чего тебя проняло? Ты ведь умная. Про свою жизнь ты все уже поняла. Что это ты вдруг? Это просто поезд. Здесь как-то особенно ощущается одиночество: никто не провожает, никто не едет с тобой, никто не встретит — все сама. Ну и что? В первый раз, что ли?!»

Надо было читать до опупения жизнерадостную Донцову, а не задремывать под стук колес».

Наталья уставилась в грязное оконце на пролетающий мимо пейзаж, не видя ничего, стараясь изгнать из сердца тоску и жалость к себе.

«Пойду пить чай с попутчицами! И все, все, хватит».

Затушив сигарету, она «очень решительно», как пишут в романах, взялась за ручку двери. В это же мгновение дверь дернули с другой стороны — не менее решительно, и она полетела вперед, как выпущенная торпеда. Что чувствует торпеда, Наталья не знала, но сама она почувствовала сильную боль, ударившись обо что-то твердое плечом и скулой.

«Что-то твердое» оказалось при ближайшем рассмотрении мужчиной. Мужчина был высок ростом, широк, зол и смотрел на нее с плохо скрываемой брезгливостью.

— Что вы на ногах не держитесь, девушка? Так и покалечиться можно!

— А что вы дверь рвете, как партизан в бункер к немцам?!

— Что?! — опешил мужик от такой отповеди.

— Ничего! Вы куда-то с боем прорываетесь, а тут девушки на дверях висят, — воинственно проворчала Ната.

Насчет девушки она, конечно, погорячилась маленько, но кто из женщин не думает о себе в диапазоне минус 10—15 лет? Да и какое это имеет значение, когда бог посылает ей маленький скандалец для бодрости духа и развеивания хандры...

В этот момент Наталья почти любила этого мужчину.

Мужчина, которого она «почти любила», был ошарашен и сдвигался в сторону, пытаясь ее пропустить. Гордо, нет — очень гордо! — задрал подбородок, она прошествовала мимо, испортив всю картину несения своего возмущенного величия тем, что зацепилась за коридорный коврик носком шлепанца.

«Ну вот и полегчало, спасибо тебе, дядечка», — хотя насчет «дядечки», как и насчет «девушки», она тоже несколько преувеличила. Толком рассмотреть божьего посланника ей не удалось, да и это было неважно, но на «дядечку» он явно не тянул.

Уже совсем в ином настроении Наталья вошла в купе.

Даша и ее мама пили чай. Настоящий чай, который наливали из заварного чайника — вот же чудеса непоездные! А на столе было разложено угощенье — тульские пряники, конфеты, пирожки и еще какая-то снедь, завернутая в промасленную бумагу.

— Вы садитесь с нами, мы подвинемся, — очень весело, звонким, каким-то девчачьим голосом пригласила Устинья Васильевна. Голос совсем не вязался с ее крупной, дородной фигурой, круглыми щечками и стрижкой «в кучери». — Вас как зовут? А то и не знаем, как обращаться.

— Наталья Александровна, можно Наталья.

Как-то вдруг очень захотелось чаю с пряниками в компании этой располагающей, открытой парочки. Наталья сходила за стаканом, и они уселись чаевничать. Устинья Васильевна с Дашей рассказывали о себе: куда едут, как живут, про родственников, которые будут их встречать, и что-то еще, еще... Она слушала, не слушая, улы-